

Очень взрослая актриса

Анастасия Меськова – утренняя звезда Большого театра

Ярослав СЕДОВ,
для «Новых Известий»

– Настя, такое впечатление, что вы начали танцевать с самого рождения.

– Говорят, что в манеже. На сцену я впервые вышла в четыре года. Родители тогда преподавали в МГУ, там были концерты художественной самодеятельности. И вот в одном из них я танцевала «Умирающего лебедя». И когда мне стали аплодировать, вынесли цветы, я почувствовала, что заслужила успех. И в четыре же года поступила в ансамбль Локтева и начала заниматься художественной гимнастикой.

– Так это там вас заметили организаторы программы «Утренняя звезда»?

– На «Утреннюю звезду» я сама позвонила. Мне было шесть лет, я увидела телепередачу, записала номер телефона, набрала его. Они, конечно, попросили позвать родителей. Мама сначала не могла понять, с кем она говорит и что вообще происходит. Я же ничего ей не объяснила, только подсказывала: «На все соглашайся!».

– Вы стойко переносите трудные ситуации?

– Меня стресс мобилизует. Только один раз в жизни у меня был случай – я вышла на сцену на конкурсе, у меня задрожали руки, ноги, чувствую – ничего не могу сделать. И такой панический ужас возник оттого, что не контролируешь себя.

Это был конкурс в Перми, мой первый. Прошел он для меня неудачно, но я считаю – что ни делается, все к лучшему. Казалось, мир рухнул, а выяснилось – с этого и началась моя самостоятельная балетная жизнь. Я вырвалась из замкнутого круга: школа-дом, домашняя. Подготовила серьезный репертуар. Какая разница, где его показать, не на этом конкурсе, так на другом. В Париже я танцевала удачно, но получила только диплом, там со многими нечестно поступили. Зато познакомилась с импресарио, которая меня пригласила на конкурс в Вену. Я поехала туда, получила Гран-при, познакомилась с другими интересными людьми. И так далее. Ну, думаю, и что? Стоило убиваться? Победила бы с первого раза, вернулась и сидела бы дожидалась, когда мне дадут ту или иную партию.

– Разве вам в школе приходилось «пробиваться»? Вы же были любимой ученицей Софьи Николаевны Головкиной, перетанцевали все детские соло, без вас не обходился ни один заметный концерт.

– Софье Николаевне я обязана очень многим. Это великий человек. Красивая, женственная, но до такой степени сильная, что может собрать армию. И все будет стоять, ловить каждое ее слово. В прошлом году, после тяжелой болезни, она просто приходила – и в классе устанавливалась совершенно другая атмосфера. В ее присутствии все меняется.

Поначалу я ее очень боялась. Дрожь в коленках и тому подобное. Я не люблю такие состояния, потому что они мешают полноценно общаться. Вот меня что-то интересуетовало, а язык не поворачивался спросить. Говорят: «Это уважение». Нет. Я сейчас Софью Николаевну не меньше уважаю, но могу свободно все с ней обсуждать, даже дискутировать. И ей, как я чувствую, как раз это нравится.

А были педагоги, которые очень настороженно относились ко всему, что хоть чуть-чуть выходит за рамки положенного. Например, я с детства вертелась до одурения, и когда мы начали изучать пируэты, обнаружила, что могу делать не один-два, а пять-шесть. Я их делала правильно, в музыку вписывалась, но сколько же пришлось выслушать: «Деточка, ты научись сначала танцевать, а пируэты потом будешь вертеть!». Как будто одно исключает другое.

– Школьная репутация повлияла на то, как вас встретили в Большом?

– К счастью, я с первых шагов в театре работаю с педагогом, который меня прекрасно понимает. Это Людмила Семеняка, одна из лучших балерин Большого. Она приняла меня очень серьезно, и мы сейчас занимаемся тем, чему я до сих пор уделяла мало внимания или не считала своим, например лирическим репертуаром – «Шопенианой», сценами Одетты. Я все время что-то для себя открываю. Например, то, что я могу исполнить роль Жизели, никому бы и в голову не пришло. Однако у меня возникла возможность станцевать

ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

Настя Меськова прославилась как балетный вундеркинд еще до того, как начала учиться танцу. Победив в детском телевизионном конкурсе «Утренняя звезда», она объездила всю Россию и полмира, исполняя разнообразные танцевальные соло. В фильме А. Згуриди и Н. Клдиашвили «Балерина» Настя сыграла саму себя – девочку, мечтающую о балетной сцене. А в картине Владимира Грамматикова «Маленькая принцесса» – драматическую роль сироты, бедной, но стойкой. Фильм получил Гран-при московского Международного фестиваля детских и юношеских фильмов 1997 года, а Настя Меськова – Большую золотую медаль фестиваля и премию «Золотой Овен-98» за лучшую детскую роль.

Яркие сценические манеры, заразительное обаяние, завидная выносливость и энергия делали Меськову звездой каждого концерта. А в последние годы интереснее всего было наблюдать за стремлением юной балерины преодолеть амблиу вундеркинда. Она многого добилась, еще ученицей освоив виртуозный концертный репертуар, начав выступать во «взрослых» гала-концертах и фестивалях вместе с премьером Большого театра Константином Ивановым, а также исполнив главные партии в балетах «Щелкунчик», «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Жизель» на сценах нескольких российских театров. С нынешнего сезона Анастасия Меськова работает в труппе Большого театра России.

в Пензе, на подготовку – парадней. Первый акт я еще как-то представляла, вариацию учила в школе. Но провести весь спектакль, сыграть эту знаменитую сцену сумасшествия, соединить эмоциональность и потусторонний облик – это я смогла только благодаря Людмиле Ивановне. «Понимаешь, – говорила она, – если бы Жизель сошла с ума, то у нее не было бы разрыва сердца и всего второго акта тоже не было бы. В том-то и дело что она прекрасно понимает: ее обманули, любимый женится на другой. Но она не хочет принять реальность. Это не сумасшествие, а боль, которую она не выдерживает...».

Я это все так прочувствовала, что в сцене сумасшествия и в финале, когда идет прощание, чувствую, у меня ком в горле, слезы. Двигаюсь к могиле и думаю: «Сейчас тушь потечет – то-то красиво будет!»...

– Вас не тяготит, что работу в Большом вы начали в кордебалете?

– Нас после выпуска пугало другое. Говорили, что на первом году в Большом мы будем сидеть, ждать очереди выйти на сцену. Нет, наоборот, столько всего навалилось – через две недели после начала сезона я и Венгерский танец станцевала в «Лебедином», вышла в массовых сценах «Жизели», «Сильфиды», «Чиполлино». Сейчас готовлю Царицу бала в «Фантазии на тему Казановы», свою первую афишную партию в Большом. Кордебалет очень дисциплинирует. Солист танцует как ему удобно, а тут надо и движение хорошо сделать, и линию держать, и еще тебе сзади девочка говорит: «Ты ко мне не двигайся, у меня за спиной камень» (декорация), а спереди тебя теснят, потому что надо расступиться перед балериной. А ты должна выглядеть такой милой и очаровательной, такой улыбающейся и естественной!

– Вам и в жизни приходится попадать в такие ситуации?

– Я все время и решаю, какая же я на самом деле. Невозможно быть актером на сцене и не быть им в жизни. Но чем больше работаешь, тем меньше думаешь обо всех этих глупостях. Кто-то не так посмотрит или безответная любовь...

– А была безответная любовь?

– Ох, была – такая трагедия...

– Он знал?

– Знал. Я так переживала! Теперь-то отбила бы у кого угодно. А тогда вздыхала и думала: ах, только бы он был счастлив, ну пусть не со мной, но счастлив! Забавно вспоминать...

– Сколько же вам было лет?

– Тринадцать, кажется.

– Вас видели в основном в классическом репертуаре. А собираетесь ли вы попробовать танцевать современный?

– Конечно. Но у нас почему-то решили, что раз ты вышел босиком – это уже модерн. А мода на примитив давно прошла. Да, есть отдельные направления для тех, кто хочет танцевать, но не может овладеть сложной техникой. Но самая интересная современная зарубежная хореография использует и пуанты, и приемы разных танцевальных стилей, а основывается на той же классике. И только стопроцентный классический танцовщик, как, например, Сильви Гиллем, может профессионально исполнять современную хореографию.

– Кто из современных зарубежных хореографов вам ближе?

– Форсайт очень нравится, но редко встречаешь настоящее исполнение его хореографии. Он же для своих постановок чаще всего берет не музыку, а шум, скрежет – так сказать, «бесформенные» звуки. И накладывает на него очень четкий хореографический рисунок. Надо выполнять этот рисунок так строго и точно, чтобы он буд-то отпечатывался у зрителя в сознании. А чаще всего исполнители «смазывают».

Или еще: бывает, в современной хореографии музыка и танец намеренно не совпадают. Вот звучит музыка Баха, а танец идет параллельно, у него свой ритм. И этот ритм надо выдержать.

– Ставил ли кто-то специально для вас?

– Венский хореограф ставит для меня номер, где я должна выглядеть как балерина с картины Дега. Танец строится как игра с классическими балетными позами и комбинациями: они чередуются, смешаются, «ломаются» – тоже как у Дега, но в движении. Очень интересно. Но больше всего мне хочется исполнять драматические роли, где персонаж сильно меняется. То есть прожить жизнь на сцене.